

О ПРИЧИНАХ ЗАДЕРЖКИ ОБНАРОДОВАНИЯ МАНИФЕСТА 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА

Ф. С. Горовой

В начале 1861 г. закончилось тщательное и всестороннее обсуждение вопросов подготовки и проведения реформы об отмене крепостного права. После рассмотрения обобщённых проектов редакционных комиссий в Главном комитете (октябрь 1860 г.) и Государственном Совете (январь 1861 г.) материалы, явившиеся результатом четырёхлетней подготовки реформы, были представлены на утверждение царя, чтобы получить силу закона.

19 февраля 1861 г. Александр II подписал составленный митрополитом Филаретом манифест, извещавший об освобождении крестьян от крепостного права. Одновременно с манифестом царь подписал ещё 17 «Положений» и «Дополнительных правил», определявших порядок практического осуществления реформы.

Однако, несмотря на то, что манифест и «Положения» были подписаны царём 19 февраля, опубликованы они были в Петербурге и Москве впервые только 5 марта 1861 года. Чем же была вызвана задержка в опубликовании столь важных государственных актов?

В современной исторической литературе господствующим мнением по данному вопросу является мнение Е. А. Мороховца, которого придерживаются авторы почти всех учебников и учебных пособий. Е. А. Мороховец, объясняя задержку в объявлении манифеста, пишет: «19 февраля приходилось на масленицу, когда народ «гулял», и правительство предпочло выбрать более «тихий» день — начало поста»¹.

Такое объяснение даётся в обобщённом коллективном труде — учебнике для высших учебных заведений. Это объяснение Е. А. Мороховца начало фигурировать и в работах некоторых местных историков, изучающих реформу 1861 г. в той или иной губернии. Соображение Е. А. Мороховца повторяется в работе А. Токаревой², в статье Ф. Чебаевского³ и других работах.

Всё это заставляет нас детально рассмотреть данный вопрос, внимательно проанализировать и сопоставить мнение Е. А. Мороховца с фактическими данными науки.

Мы не можем принять объяснение задержки объявления манифеста 19 февраля 1861 г., которое дано Е. А. Мороховцом, ибо оно противоречит фактам и не имеет никакой научной основы. Постараемся это по возможности доказать.

Прежде всего нужно дать фактическую справку, используя для этой цели данные церкви. Как видно из месяцеслова на 1861 г., в этом году неделя масленицы продолжалась с 26 февраля по 4 марта⁴.

Следовательно, день подписания манифеста 19 февраля в 1861 г. приходился не на масленицу, а на мясоед, то есть на неделю раньше. Не соответствует действительности и утверждение Е. А. Мороховца, что 5 марта было будто бы началом поста. Месяцеслов и другие источники говорят, что воскресенье 5 марта было последним днём масленицы, так называемым «заговением» перед «великим постом»⁵.

¹ «История СССР». Т. II, стр. 432. Под редакцией М. В. Нечкиной. 1949. 2-е изд.

² См. А. Токарева. Крестьянская реформа 1861 года в Вятской губернии, стр. 35. Киров. 1941.

³ См. Ф. Чебаевский. Движение нижегородского крестьянства во время подготовки и проведения реформы 1861 года. «Вопросы истории» № 11 за 1950 г., стр. 97.

⁴ См. «Месяцеслов» на 1861 год, стр. 3 и 10. СПб. Издание Академии наук.

⁵ См. там же; см. также Г. Джаншиев. Из эпохи великих реформ, стр. 51. М. 1894.

Что касается замечания Е. А. Мороховца о народных «гуляниях» и «тихом» дне, то меньше всего имело возможности гулять жестоко эксплуатируемое крестьянство России. Если же крепостной крестьянин и «гулял» во время масленицы на свои последние гроши, то он приурочивал это к «заговению» и к первому воскресенью «великого поста», или так называемому «сборному воскресенью». Если взять статистику времени объявления манифеста по Джаншиеву, то она показывает, что за период с 5 по 12 марта манифест 19 февраля был объявлен в 35 из 45 губерний России⁶. Таким образом, получается совершенно иная картина, чем та, которую рисует нам Е. А. Мороховец.

Если учесть, что всё это было известно правительству, то напрашивается следующий вывод: правительство, зная, что манифест не может удовлетворить крестьян, но желая видеть хотя бы видимость «благодарности народа за волю», решило получить её от опьяневшей и не разобравшейся ещё в сущности манифеста крестьянской массы. Поэтому правительство, надо полагать, умышленно оттягивало время объявления манифеста, приурочивая его к так называемому «прощённому воскресенью».

Осторожный исследователь этого вопроса Г. Джаншиев, догадываясь о тайных планах правительства в связи с объявлением манифеста в Петербурге и Москве, заметил: «День объявления как будто нарочно пригнали на прощенное воскресенье (т. е. 5 марта.— Ф. Г.), когда народный масляничный разгул и буйство достигают высшего размера»⁷.

Другое дело, что надежды правительства на массовые «гуляния народа» в последний день масленицы не оправдались. Крестьянство сразу почувствовало, что его обманывают. Поэтому во время объявления манифеста во многих местах наблюдалось необыкновенное нежелание населения покупать и употреблять вино. Это была пассивная форма протеста против крепостнической сущности манифеста. В Петербурге для последнего дня масленицы были сделаны большие запасы вина, но население покупало его в очень малом количестве, и откупщики, не выручив даже обычной для масленицы суммы, потерпели убыток⁸.

По данным М. П. Погодина, 5 марта, в день объявления манифеста в Москве, было продано вина на 1 660 руб. меньше, чем в предыдущее воскресенье⁹. В пермской газете сообщалось, что 5 марта «и в следующие затем дни в Петербурге и Москве народ почти вовсе не пил вина. Такие же точно сведения получены из Твери, Рязани, Калуги, Владимира и Ярославля. Явление многозначительное...»¹⁰.

Докладывая о том, как был встречен манифест на местах, министр внутренних дел Ланской, удивляясь, что надежды правительства не оправдались, писал 31 марта 1861 г. царю: «Другое явление, никем неожиданное, поразило всех своим глубоким смыслом. Все ожидали, что русский человек с радости будет пить. Во многих местностях откупщики исходатайствовали двойное заготовление вина на несколько месяцев. Нигде не только не было особенного пьянства, но отовсюду получают известия, что потребление вина заметно уменьшилось»¹¹.

Далее Ланской указывал, что, по сообщению псковского губернатора, 12 марта, в день объявления манифеста, не было случаев пьянства, «несмотря на то, — писал министр, — что первое воскресенье поста во многих местах считается годовым ярмарочным или базарным днем, когда обыкновенно обнаруживались примеры невоздержанности»¹². Ланской сообщал царю, что такие же данные об отсутствии выражения радости и отказе от употребления вина населением в связи с объявлением манифеста поступили из Костромской, Тульской, Калужской, Ярославской и других губерний России¹³.

Таким образом, только некоторое сопоставление данных опрокидывает всю концепцию Е. А. Мороховца.

⁶ См. Г. Джаншиев. Указ. соч., стр. 74.

⁷ Там же, стр. 60.

⁸ См. там же, стр. 61.

⁹ См. М. Погодин. Красное яичко для крестьян, стр. 8—13. СПб. 1861.

¹⁰ «Пермские губернские ведомости» № 14 от 7 апреля 1861 года.

¹¹ «Отмена крепостного права», стр. 8. Под редакцией С. Н. Валка. М.—Л. 1950.

¹² Там же.

¹³ См. там же.

Каковы же были действительные причины, которые заставили царское правительство задержать на две недели объявление важнейших государственных законов России? Мы согласны с Е. А. Мороховцом, что правительству не объявляло манифеста после его подписания царём, «опасаясь крестьянских волнений»¹⁴.

Царизм ещё в период подготовки реформы знал, что подготавливаемые им законы после опубликования вызовут недовольство крестьян. Летом 1858 г. Александр II в письме к Ланскому спрашивал: «Кто может поручиться, что когда новое положение будет приводиться в исполнение и народ увидит, что ожидания его, т. е. что свобода, по его разумению, не сбылись, не настанет ли для него минута разочарования?»¹⁵.

Уже тогда правительство, обсуждая вопрос о мерах, с помощью которых можно было бы подавить крестьянские волнения после объявления «воли», приходило к выводу о необходимости иметь на местах таких своих представителей, которые, как указывалось в решении Главного комитета по крестьянскому делу от 29 января 1859 г., «имели бы право в известных случаях действовать именем высочайшей власти»¹⁶.

В феврале 1861 г., накануне подписания манифеста и «Положений», правительственные круги с согласия Александра II принимают решение о том, чтобы командировать в каждую губернию «одного из генерал-майоров свиты его величества или флигель-адъютантов» с целью содействия губернаторам в проведении в жизнь манифеста и помощи в сохранении «порядка и спокойствия»¹⁷. Эти особо уполномоченные от царя представители имели право для подавления волнения требовать полного содействия не только земской полиции и местных властей, но и «ближайших воинских начальств», которые должны были все требования представителей центральной власти «исполнять беспрекословно»¹⁸.

Следовательно, к моменту объявления манифеста нужно было иметь в губерниях людей «сильной власти». Далее считалось необходимым произвести также передислокацию войск, расставив их в тех местах, где наиболее вероятно была возможность крестьянских волнений. Не случайно, что в каждой губернии после объявления манифеста находилось достаточное количество войск для подавления крестьянских волнений.

В Виленской губернии для подавления волнений крестьян в распоряжении властей оказались Муромский и Софийский пехотные полки; в Екатеринославской — Рижский драгунский, Брестский и Люблинский пехотные полки; в Киевской — Алексопольский пехотный, Донской казачий № 37 и Бугский уланский полки; в Пензенской — Тарутинский и Казанский пехотные полки и т. д.¹⁹.

Для поддержания «порядка» в Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерниях на их территориях было размещено 8 полков и 3 отдельных стрелковых батальона 8-го армейского корпуса²⁰. Передислокация частей требовала времени. Вследствие нераспорядительности и неповоротливости царских военных властей перестановка войск к моменту подписания манифеста ещё не была закончена. Больше того, это перемещение войск продолжалось и в момент объявления манифеста.

Из Пермской губернии 24 марта 1861 г. сообщали, что «назначенные в Пермскую губернию две сотни из Оренбургского казачьего войска» ещё не прибыли и придут на место назначения только «в последних числах» марта месяца²¹. С этими фактами нельзя было не считаться.

Таким образом, своеобразная военная неподготовленность царизма наряду с другими причинами была важным обстоятельством, от которого зависело время объявле-

¹⁴ «История СССР» Т. II, стр. 432.

¹⁵ Журнал «Русская старина» № 3 за 1882 г., стр. 587. Из записок сенатора Я. А. Соловьёва о крестьянском деле.

¹⁶ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому вопросу. Т. II, стр. 333. Пгтр. 1915.

¹⁷ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), фонд Земского отдела, 4-е делопроизводство, 1861 г., д. 2, л. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права». Ч. I и II. Сборник документов, составленный Е. А. Мороховцом, стр. 20, 21, 59, 60, 61. Под редакцией Н. М. Дружинина. М.-Л. 1949.

²⁰ См. П. Потетенькин. Крестьянские волнения в Саратовской губернии в 1861—1863 гг., стр. 33. Саратов. 1940.

²¹ См. ЦГИАЛ, ф. 1180, оп. т. XV, 1861 г., д. 105, л. 211.

ния манифеста. Что касается отправки генерал-майоров и флигель-адъютантов в губернии, то они должны были, отправляясь из Петербурга, взять с собой манифест и «Положения». Правительство решило представить направляемых им в губернии лиц как «вестников отмены крепостного права», не веря, повидимому, в то, что другим способом манифест будет доставлен своевременно. Отсюда видно, что отправка представителей центральной власти в губернии была связана с необходимостью обеспечить их определённым количеством экземпляров манифеста и «Положений».

Опубликованные в настоящее время донесения генерал-майоров и флигель-адъютантов царя показывают, что каждый из них увозил с собой такое количество экземпляров манифеста и частично «Положений», которое нужно было для объявления их во всех уездах и имениях губернии. А ведь все эти многословные документы нельзя было отпечатать мгновенно или через день после подписания их царём; для этого требовалось время.

Г. Джаншиев сообщает, что правительство, понимая трудности размножения большого количества экземпляров манифеста и «Положений», подготовку к этому начало ещё с ноября 1860 г., собирая сведения о мощности петербургских типографий. «Как только был подписан освободительный акт, — пишет Г. Джаншиев, — в тот же самый день приступлено было в типографии II отделения к набирию новых законоположений для печати. При усиленных работах в четырех типографиях печатание было окончено в девять дней»²².

Следовательно, каждый из флигель-адъютантов и генерал-майоров мог выехать в губернии только спустя девять дней после подписания манифеста, то есть не ранее 28 февраля. Хотя предписание командующего императорской главной квартирой Адлерберга о выезде представителей правительства в губернии последовало 26 февраля, генерал-адъютанты и генерал-майоры выехали только около 4 марта²³.

Если учесть время, требовавшееся на то, чтобы доехать до места назначения, то станет понятным, почему генерал-майоры и флигель-адъютанты царя прибывали в губернии в основном только в период с 6 по 12 марта. Именно в это время и объявлялся манифест в губерниях.

Время печатания и транспортировки манифеста и «Положений» в губернии и было использовано для соответствующего инструктажа духовенства. По согласованию духовных и светских властей объявление манифеста должно было происходить в церквях с обязательным отправлением молебнов. 2 марта 1861 г. святейший Синод разослал по всем консисториям указ, в котором наряду с другими инструкциями духовенству России требовалось «обнародовать манифест в первый по получении его воскресный или праздничный день»²⁴.

Витебский губернатор и архиереи объясняли эту меру тем, что в «первые недели великого поста в будние дни весьма малое число крестьян посещают церкви и что в один из этих дней пришлось бы прочесть высочайший манифест в церквях почти пустых, через это большая часть крестьян узнала бы сущность манифеста в превратном виде, через посторонних лиц»²⁵.

Как видно, губернские представители духовных и светских властей стремились к тому, чтобы как можно больше крестьян услышало манифест в церкви, в толковании чиновников и в присутствии духовенства. Религиозные верования крестьян решено было использовать для затухивания классово-экономической сущности манифеста.

Может возникнуть вопрос: почему правительство не объявляло манифест и «Положения» постепенно, по мере отпечатания их, а стремилось к тому, чтобы объявить эти акты в как можно более короткий срок, примерно в течение одной же недели.

Царское правительство исходило в данном случае из опыта прошлого, показывавшего, что в условиях подъёма крестьянской борьбы против крепостного права объявление даже намёка на волю в каком-то одном месте России могло бы вызвать массовое бегство крестьян туда, где объявлена «воля». Например, в 1854 г. царское правительство объявило указ о создании морского ополчения (резервной морской флоти-

²² Г. Джаншиев. Указ. соч., стр. 49.

²³ См. «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права», стр. 76, 244.

²⁴ Там же, стр. 76.

²⁵ Там же, стр. 22.

ли) в помощь военному флоту на Балтийском море. По указу царя в морское ополчение могли вступать с разрешения помещиков крестьяне Петербургской, Олонецкой, Тверской и Новгородской губерний. Среди крестьян распространился слух о том, что поступление в ополчение освобождает их от крепостной зависимости. Поскольку указ был объявлен только в четырёх губерниях, то крестьяне Московской, Рязанской, Владимирской, Тамбовской, Нижегородской и других губерний направились в Москву и другие города России, требуя записать их в морское ополчение. По приказу Николая I массы крестьян, шедших в города и другие губернии, задерживались войсками и в кандалах под конвоем отсылались на места жительства. Такая мера царского правительства способствовала ещё большему усилению классовой борьбы и приводила в некоторых местах к столкновениям крестьян с полицейскими и войсками. То же примерно произошло в 1855 г. в связи с законом о формировании так называемого государственного ополчения. Повторения таких событий царское правительство не могло допустить.

Этим и объясняется, что был изменён согласованный с Синодом первоначальный план министерства внутренних дел об объявлении манифеста в очередное после его получения воскресенье или праздничный день. Министр внутренних дел 8 марта направил губернаторам телеграмму, в которой требовал «обнародовать манифест немедленно, не ожидая воскресного дня»²⁶.

Время между подписанием и опубликованием манифеста было использовано правительством также и для тщательной подготовки губернских гражданских, военных и церковных властей к встрече манифеста на местах. Военные губернаторы и губернаторы в это время по своему усмотрению расставляли войска в губерниях.

В Саратовской губернии, например, губернатор передислоцировал войска в соответствии с количеством крепостных крестьян по уездам, в расчёте на то, чтобы впоследствии «в своевременном употреблении силы... не встретилось затруднений»²⁷. В Самарскую и другие губернии Поволжья губернаторы стянули столько войск, что даже флигель-адъютант императора И. В. Гурко после объезда губерний Поволжья писал царю: «...до сих пор понять не могу, на что могла быть нужна тут военная сила»²⁸.

Флигель-адъютант Г. А. Кригер, выехавший в Оренбургскую губернию, доложил царю, что он сделал 400 вёрст лишних для того, чтобы получить от генерал-губернатора сведения, «касающиеся... сделанного им распоряжения о перемещении некоторых вооружённых команд на случай могущей представиться в их надобности внутри губерний»²⁹. Эти сведения, указывал Кригер, были для него «полезными и даже необходимыми»³⁰.

Но перед губернаторами стояла задача не только разместить войска: они должны были ещё подготовить чиновничий аппарат к будущим событиям. Наиболее преданные царизму чиновники подбирались и направлялись в качестве уполномоченных от губернатора в уезды для наблюдения за объявлением манифеста. Это было своеобразное копирование действий царя. Если царь посылал своих особых представителей в губернии, то губернаторы посылали таких же специальных уполномоченных самодержавной власти в уезды. Так создавалась система лиц — представителей государственной власти, — которая должна была в случае необходимости применять по отношению к крестьянам военно-полицейские меры.

По сообщению П. М. Потетенькина, саратовский губернатор совместно с уездными представителями дворянства и исправниками составил «подробный график» и установил «маршруты передвижения войск по губернии»³¹. Все чиновники и представители духовенства Саратовской губернии в марте 1861 г. получили «совершенно секретное» распоряжение губернатора, как им действовать в случае возникновения крестьянских волнений. По данным А. Токаревой, в Вятской губернии такая же обязанность была возложена губернатором на уездных предводителей дворян, исправников, судей и старых приставов³².

²⁶ Там же, стр. 76.

²⁷ «Отмена крепостного права», стр. 5.

²⁸ «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права», стр. 196.

²⁹ Там же, стр. 129—130.

³⁰ Там же, стр. 130.

³¹ П. Потетенькин. Указ. соч., стр. 33.

³² См. А. Токарева. Указ. соч., стр. 36.

Следовательно, в губерниях после подписания манифеста проводилась тщательная всесторонняя подготовка военных сил, чиновников государственного аппарата и представителей духовенства к объявлению манифеста, что также требовало времени. Не случайно впоследствии каждый из генерал-майоров и флигель-адъютантов царя в своих докладах из губерний находил нужным указать на то, какие необходимые предварительные мероприятия были проведены губернаторами для подготовки к объявлению манифеста³³.

Обобщая всё вышесказанное, мы приходим к выводу, что не масленица заставила царское правительство задержать объявление манифеста, а общая неподготовленность царизма к предотвращению и подавлению массовых крестьянских волнений.

Двухнедельное время с момента подписания до объявления манифеста было использовано царизмом:

во-первых, для отпечатания и отправки в губернии с особыми представителями царской власти соответствующего количества экземпляров манифеста и «Положений», необходимого для рассылки их во все присутственные места, имения и церковные приходы;

во-вторых, для завершения передислокации и размещения в наиболее «опасных» местах губернии определённого количества войск;

в-третьих, для подготовки центрального и особенно губернского государственного аппарата и духовенства с тем, чтобы, опираясь на них, провести в жизнь манифест и «Положения» 19 февраля 1861 года.

³³ См. «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права», стр. 17, 22, 39, 43, 129, 138, 214 и др.